

- подборка девятнадцатая -

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 19

Published and Copyrighted © 2012

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 19-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, в ближайшее время — буквально.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

21 швата 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиш — Цви-Гирш Блиндер. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедалы, 5708 года (17.09.47 г.)¹⁸³

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Раввин и писатель

Прочитала сейчас¹⁸⁴ в газете: в СССР отправлен в ссылку писатель Перец Маркиш¹⁸⁵; о месте, где он находится в данный момент, никто ничего не знает. Это напомнило мне о покойном муже и его судьбе...

В 1937 году в нашем городе скончался Давид Маркиш, отец писателя. Старик был *бен Тора* (знатоком Торы) и часто бывал у нас в доме. Перед смертью он распорядился, чтобы его похороны проходили в полном соответствии с указаниями раввина Шнеерсона. Когда о смерти отца сообщили сыну, Перец Маркиш приехал в Днепропетровск вместе с сестрой, которая работала секретарем.

Через пару лет, когда Перец Маркиш получит орден Ленина¹⁸⁶, в его дом в Москве станет невозможно попасть без приглашения, но уже и теперь он был «большим человеком» в Советском Союзе... Насколько его отец был религиозным, настолько сын старался держаться подальше от всего еврейского — до такой степени, что

¹⁸³ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

¹⁸⁴ «Сейчас» относится ко времени написания воспоминаний — 5709/1949 году.

¹⁸⁵ Перец Маркиш (5656/1895 — 5712/1952) — известный советский еврейский писатель (писал на идиш). В 5709 году (январь 1949 г.) был арестован вместе с другими еврейскими политиками, учеными и писателями, обвиненными в антисоветской деятельности (так называемое «дело Еврейского антифашистского комитета»). Ночью 22 менахема ова 5712 года (в ночь с 11-го на 12 августа 1952 г., «Ночь казненных поэтов») Перец Маркиш и еще двенадцать подсудимых, среди которых было несколько крупнейших еврейских литераторов (Л. Квитко, Д. Бергельсон, Д. Гофштейн), были расстреляны. См. также «Толдойс Леви-Ицхок», часть 3, стр. 966 и далее.

¹⁸⁶ П. Маркиш был награжден в январе 1939 года.

даже не хотел, чтобы стало известно о его приезде в Днепропетровск, на похороны еврея-отца! Только его сестра, хотя она тоже была членом партии, пришла к нам домой вместе с другой сестрой, местной жительницей, в доме которой жил и умер их отец. Сестры сказали, что писатель просил передать, что, к сожалению, он не может лично повидать моего мужа. Однако ему хотелось бы, чтобы раввин знал: несмотря на все различия во взглядах и несмотря на занимаемое им положение, он очень высоко оценивает и глубоко уважает Шнеерсона как человека. То, что он слышал о днепропетровском раввине, и то, что ему о нем часто писал в своих письмах отец, оставило в душе писателя глубокий след...

По всем вопросам, связанным с похоронами отца, Перец Маркиш общался с моим мужем только через сестер. При этом он просил, чтобы о его приезде и участии в похоронах говорили как можно меньше.

Кроме денег за место на кладбище и оплаты собственно захоронения со всеми сопутствующими обрядами (мой муж сделал все самым лучшим образом, насколько это было возможно в те времена), дети покойного пожертвовали крупные суммы на нужды учреждений Торы — *хедеров* для детей и т. п., которые без денег держались исключительно за счет самоотверженности тех, кто работал там.

Ночью после похорон Перец Маркиш и его сестра уехали обратно в Москву, так что в Днепропетровске практически никто так и не узнал об их приезде...

Сборы и прощания

В *холь гамоэд Песах*¹⁸⁷, после множества мучений и особенно — после того, как в первые дни праздника состояние мужа сильно ухудшилось, был, наконец, решен вопрос с нашими документами на выезд. Сразу после Песаха мы начали упаковывать вещи и избавляться от всего того, что не планировали брать с собой. Большинство вещей, однако, включая всякие мелочи, нужно было везти в Алма-Ату, так как не приходилось особо рассчитывать на то, что на новом месте удастся купить замену оставленному. Большую помощь во всем нам оказывала Бас-Шева Альтгойз¹⁸⁸.

В итоге, у нас набралось больше веса, чем разрешалось везти. При отъезде с этим тоже возникли проблемы, которые, к счастью, наши знакомые смогли решить за бутылку водки...

¹⁸⁷ 5704/1944 года — ребецн возвращается к рассказу о последних месяцах жизни мужа.

¹⁸⁸ См. о ней в предыдущем выпуске «Воспоминаний».

Темной ночью мы отправились на железнодорожную станцию. Ходьба мужу давалась нелегко, он был очень беспокоен — до такой степени, что пару раз даже падал по дороге!

Паковать вещи нам помогали двое молодых людей из числа эвакуированных. Когда мой муж выяснил, что один из них — коген, он попросил парня покрыть голову и благословить его традиционным благословением когенов. С какой искренностью прозвучало это благословение! Каждое слово коген произносил от всего сердца.

На вокзал пришло довольно много людей из числа тех, кто знал о нашем отъезде. Некоторые из них со слезами на глазах просили благословения — теперь уже у моего мужа! В кромешной тьме (на станции не было совершенно никакого освещения) люди не расходились с восьми вечера до двух часов ночи — времени отправления нашего поезда.

Все пассажиры нашего вагона давно уже спали, но на нашей станции многие из них наверняка проснулись от шума, производимого провожающими: кто-то просил мужа что-нибудь рассказать, кто-то спрашивал совета или просил благословения. Некоторые молчали — слова застревали у них в горле... Но все были едины в том, что никто не хотел расставаться с ним!

Директор хлебопекарни прислала нам в дорогу огромную буханку хлеба — несколько килограмм! Это был самый ценный подарок, поскольку мы ехали втроем, и путешествие должно было продлиться не один день. А голод, как известно, — злейший враг, поэтому когда у человека есть хлеб, он чувствует себя гораздо спокойнее.

Поездка

Войдя в вагон, мы устроились на наших местах. Самым важным делом было постараться получше укрыть мужа. Чем меньше людей будет его видеть, тем меньше вероятность того, что кто-нибудь начнет выяснять, все ли у него в порядке с документами, разрешающими выезд из Чиили.

Когда стало светать, Бас-Шева отправилась к проводнику и договорилась, что он пустит мужа в свое купе, чтобы он мог спокойно помолиться.

Чуть позже стали спускаться пассажиры с верхних полок. В основном это были молодые люди с бывших польских земель, среди них — два еврея, которые до войны были студентами в Вильно, а теперь стали чернорабочими в одном из городов, через которые мы должны были проезжать.

Молодежь окружила моего мужа, и вскоре завязалась оживленная дискуссия на различные темы — философия, математика и еще множество самых разнообразных вопросов. Все в один голос твердили, что за те несколько лет, что они провели вдали от родных домов, подобный человек им встречается впервые... Потом они сошли, а мы поехали дальше.

Муж мой был одет крайне просто — чтобы привлекать к себе меньше внимания. Тем не менее, на одной из станций его узнал днепропетровский еврей, который был с ним едва знаком. Он долго упрашивал мужа вернуться в город, где он когда-то был раввином, но это, увы, было абсолютно исключено...

Город с трамваем

В четверг¹⁸⁹ мы приехали в Алма-Ату. Город с трамваями и прочими «благами цивилизации» являл собой разительный контраст с чилийским захолустьем, в котором мы провели несколько лет.

Несколько алма-атинских евреев собирались нас встречать, но не дождались поезда, который пришел с большим опозданием, что было тогда делом вполне обычным. Мы решили, что отсутствие встречающих — это даже к лучшему, так как излишнее внимание к нашему приезду в Алма-Ату нам совершенно ни к чему.

Нас привезли к молодому человеку по фамилии Солодовников¹⁹⁰, у которого в квартире были вполне приемлемые — по тем временам — условия для проживания двух гостей. Буквально в первые же часы нашего пребывания в его доме множество людей устремилось туда, чтобы повидать нас. Все те, кто так или иначе участвовал в освобождении моего мужа — особенно братья Рабины¹⁹¹, которые не только вложили в это дело большие деньги, но и не побоялись подвергнуть свои жизни смертельной опасности, — радовались нашему приезду самой глубокой и искренней радостью.

После стольких лет духовной изоляции муж мой оказался, наконец, в окружении людей, с которыми он, так сказать, говорил на одном языке. Увы, к моменту приезда в Алма-Ату он был уже совершенно разбит — и физически, и духовно...

¹⁸⁹ 27 нисона 5704 года (20 апреля 1944 г.).

¹⁹⁰ Мордехай бен р. Шмуэль-Яков Солодовников. Его жена Муся — дочь р. Элиягу-Хаима бен Пинхоса-Тодроса Альтгойза и сестра Бас-Шевы Альтгойз (см. также сноску 179 в предыдущем выпуске «Воспоминаний» и «Толдойс Леви-Ицхок», часть 2, стр. 689).

¹⁹¹ О них рассказывалось в 17-м и 18-м выпусках «Воспоминаний».

Хсидус — после пяти лет молчания

В Шабос устроили *Кидуш* и традиционную субботнюю трапезу, на которой муж говорил *хсидус* — после пяти лет, в течение которых у него для этого не было совершенно никакой возможности. Я не была рядом с ним и не слышала, о чем он говорил, но я видела, каким восторгом светились лица людей, расходившихся после трапезы!

(Как выяснилось позже, некоторых местных евреев испугала возможность того, что сведения о нашем приезде, начав распространяться по городу, могут в итоге достичь и тех людей, которым о нем знать совершенно не обязательно. Потихоньку стали даже собирать деньги — на случай, если придется давать взятки представителям власти, чтобы они закрыли глаза на факт нарушения моим мужем законов, распространяющихся на бывших ссыльных.)

Утром в Шабос муж пошел в синагогу. Там, стоя на *биме*, он произнес перед общиной *дрошу*¹⁹², чего до него никто никогда не делал: в те времена любое публичное выступление на тему Торы и заповедей рассматривалось как «контрреволюционная пропаганда или агитация». А ведь именно в этом состояло одно из тех обвинений, за которые мой муж был приговорен к пяти годам ссылки! Тем не менее, он произнес *дрошу*, абсолютно не считаясь с последствиями...

Община приняла моего мужа с большим уважением и глубокой преданностью.

Человек, к которому тянулась молодежь

В нашем доме (точнее, на съемной квартире) нам приходилось быть очень осторожными, чтобы избегать неизменного «дурного глаза» квартирной хозяйки, а еще — чтобы никто не принялся подсчитывать количество людей, приходивших к нам в гости. Затратив определенные усилия и воспользовавшись помощью наших добрых друзей, нам в конечном итоге удалось этого добиться. После того как наши проблемы оказались решены, квартира наполнилась евреями. Они не оставляли нас практически ни на минуту — с утра и чуть ли не до глубокой ночи. Большинство составляли люди уже в возрасте, семейные. Те, у кого были дети, иногда приходили вместе с ними. А ведь это было в то время, когда советская власть уделяла много внимания молодежи, а особенно — детям, с целью удержать

¹⁹² Проповедь — выступление нравоучительного характера, основанное, как правило, на комментировании того или иного сюжета Танаха.

их в сфере своего влияния и не допустить, чтобы они воспитывались в традициях отцов!

Молодые люди, подростки, дети — все они прекрасно себя чувствовали рядом с моим мужем и с огромным интересом слушали все, что он им рассказывал.

Помимо детей, имевших какое-то еврейское воспитание, приходили к нам и трое ребят из семьи, эвакуированной в Казахстан из Ленинграда. Они учились в государственной школе и были воспитаны, естественно, в абсолютно антирелигиозном духе. Со временем, однако, они настолько привязались к моему мужу и к тому, чему он их учил, что стали упрашивать маму, чтобы она перешла на кошер, отказываясь есть ту еду, которую она им готовила! А ведь соблюдать кошер тогда было крайне сложно: в свободной продаже продуктов почти не было, а в пайки, которыми граждан снабжало государство, входило тrefное мясо и тому подобные вещи...

Еще эти трое ребят начали соблюдать Шабос, и теперь по субботам в школе им приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы не писать на уроках. От этого, естественно, пострадала их учеба, особенно — экзамены. Но это ребят, похоже, не сильно огорчило. По субботам они часто приходили в школу только для того, чтобы отметить, и тут же уходили в *бейс-мидраш*, к раввину, где и проводили практически весь день.